

СПОКОЙСТВИЕ/БЕЗРАЗЛИЧИЕ, ИЛИ НЮАНСЫ ОЦЕНОЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

М.С. МИЛОВАНОВА
MSMilovanova@pushkin.institute
д-р филол. наук, профессор
Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Ключевые слова:
оценка, ценности,
безразличие/равнодушие,
художественный текст,
ценность семантики

DOI: 10.37632/PI.2020.281.4.003

В статье семантика безразличия представлена в непосредственной связи с понятиями *оценка* и *ценности*. В центре внимания оказывается, во-первых, субъект оценки – человек, считающий необходимым засвидетельствовать свое безразличное отношение к объекту: безразличие рассматривается как состояние субъекта (семантика состояния). Во-вторых, сам субъект и носитель такого состояния представлен как объект оценки со стороны социума. Показано семантическое развитие слова *равнодушие*, значение которого трансформировалось с точки зрения оценочно-коннотативных свойств: от нейтральной оценки до негативной. Тексты художественной литературы свидетельствуют о том, что бездействие в момент, когда необходимо действие, – это поступок со знаком минус. Аксиогенный общественный ориентир – равнодушие.

Антропологическая лингвистика, избравшая центром внимания проблему отражения человека в языке, обнаруживает интерес к вопросам отношения человека к фактам окружающего мира, которое выражается в оценке: отношение предполагает оценку. Субъективная мысль, связанная с выражением отношения, неизбежно сопровождается процедурой оценивания, человек же выступает в роли субъекта оценки. С другой стороны, он сам и все его действия, поступки являются объектом оценивания со стороны других людей и общества в целом. Понятие *оценка* и понятие *ценности* в совокупности составляют объект нового направления антропологической лингвистики – лингвоаксиологии: благодаря единству оценки и ценности «обеспечивается аксиологическая «настройка» субъекта речи» [15: 236].

1. Безразличие как оценка

Безразличие, о котором пойдет речь в статье, рассматривается как составная часть области оценки в работах Е.М. Вольф, С.Г. Воркачева, С.А. Голубцова [4, 5, 7]. Е.М. Вольф отмечает два варианта понимания слова-термина *безразличие* по отношению к объекту оценки: «Следует различать объекты, безразличные для оценки, т.е. не находящиеся в сфере оценочной деятельности субъекта, [...] и нейтральную позицию на шкале оценок, где оказываются в известном равновесии признаки «хорошо» и «плохо» [4: 49]. Следовательно, в первом случае получается линейная шкала, на которой безразличие занимает нейтральную зону между оценкой «хорошо» и оценкой «плохо» (возможно, и без смещения в сторону «плохо»).

Вместе с тем понятия *безразличие* и *безразличный* в данной статье применяются к *субъекту* оценки – человеку, настроению и состоянию которого может быть интерпретировано как «выражающий свое отношение к предмету оценки именно как безразличное».

В этом ракурсе и рассматривается безразличие – как один из смыслов прагмасемантического поля субъективности в выражении позиции субъекта – *согласия*, *несогласия* или *безразличия*.

Своеобразно положение этого смысла по отношению к двум другим – согласию и несогласию. Безразличие как смысл противостоит согласию

(= «хорошо») и несогласию (= «плохо») на шкале *активность/пассивность*. В этом случае схема будет нелинейной: ее можно представить в виде перевернутого треугольника, в верхней части которого находятся отметки *да/за* и *нет/против* (позиция активная), третий угол, нижний, будет обозначать пассивную позицию *не знаю/воздержался*. Ср. трехчленную шкалу голосования: *за – против – воздержался; да – нет – не знаю*. Третий компонент (= «затрудняюсь»/«не могу ответить») обозначает зону безразличия, имеющего причины подобной пассивности. Варианты: 1) объект не входит в круг интересов данного субъекта; 2) субъект не определился в отношении к данному объекту [10: 470].

Сема «пассивность» становится основной в понимании специфики безразличия как смысла.

2. О взаимосвязи смыслов семантического поля отрицания-«отталкивания»

Семантика безразличия пересекается с другими смыслами, также входящими в прагмасемантическое поле субъективности, – семантикой субъективного отрицания, противительной семантикой, с семантикой согласия-уступки. Такие лексические средства, как *пусть/пускай/ладно* (*ну и пусть, ну и пускай, ну и ладно*), могут маркировать зону синкретизма, в которой пересекаются сразу три субъективные семантики – безразличия («мне все равно»), допущения-уступки («пусть будет» – определенная доля согласия) и скрытого несогласия-противительности («я против, но приходится смириться»). Ср.: *В начале годов повелела мне барыня-графиня, Татьяна, свет, Лексевна, «будь кузнецом», а спустя некоторое время приказывает: «Помогай садовнику». Ладно. В другое время она говорит: «Тебе, Петрушка, рыбу ловить!» А для меня все едино, я и рыбу...* (М. Горький. Детство); *В первые же дни по приезде Наташа обошла всех своих старых подруг... Я держался от них в стороне, да, по правде говоря, меня они ни разу никуда не пригласили. Ну и пусть. Мне и без них было очень хорошо и весело* (Г. Скребницкий. От первых проталин до первой грозы).

Наиболее тесные связи семантика безразличия обнаруживает с такими субъективно-модальными смыслами, как субъективное отрицание, семантика волевого ограничения и семантика противительности. Объединяющим началом для всех перечисленных смыслов становится сема «нет», входящая в структуру каждого из слов – представителей семантического поля отрицания-«отталкивания» [11].

Любой из членов синонимического ряда семантики безразличия включает отрицательный элемент: например, *все равно* – это *нет*, скрытое за позицией безразличия, т.е. завуалированное,

пассивное *нет*: *бездействие / безучастие* = «Я говорю *нет*»: *Наше министерство – это министерство непротивления злу, – ответил Турченко с горечью. – Всем все равно* (А.И. Куприн. Черная молния).

По мысли Е.М. Вольф, глубоко исследовавшей возможности языка в выражении оценки, «ценностные отношения закреплены в языке в семантических (а иногда и синтаксических) структурах» [4: 6]. О языковых формах, реализующих значение безразличия, можно сказать, что их множество, причем представлены они на основных уровнях языка – лексико-фразеологическом и грамматическом¹.

Мысль о безразличии как позиции субъекта находит воплощение прежде всего в лексических и фразеологических единицах – современных маркерах семантики безразличия: *все равно, безразлично, без разницы, одинаково, индифферентно, нипочем; до лампы/до лампы/до фонаря; параллельно, фиолетово; плевать/наплевать; я плюю / я плевать хотел; чихать/начихать* и т.д. Например, онлайн-словарь для лексемы *безразлично* предлагает 63 синонима и сходных по смыслу выражений синонимов [13]. Кроме того, в эту сферу втягиваются слова из других семантических систем, например, «аморфное» с точки зрения оценки слово *ничего*, демонстрирующее способность к выражению разных оценок, в том числе и безразличной. В любой морфологической позиции (пять функциональных омонимов и множество синкретичных и гибридных образований) слово *ничего* «сохраняет местоименную («размытую»), предельно обобщенную семантику, требующую уточнения» [6: 14]. Оценка также обнаруживает абсолютную зависимость от контекста – «плюс», «минус» или «безразлично», как в данном случае: *Жили они далеко, во флигельке, весь двор мастерицной занят, сорно, грязно, шумно, а они – ничего, ровно бы котят, веселые оба, мурлычут, играют* (М. Горький. Детство). Семантику и оценку *ничего* можно расшифровать, исходя из общего смысла высказывания: «а они не обращают внимания, равнодушны к окружающему, им все равно, что сорно, грязно, шумно и пр.»

Семантика безразличия находит более глубокое закрепление в морфологических и синтаксических формах.

Так, категория состояния как морфологический класс, формировавшаяся со специальной целью выражения состояния лица в его оценке фактов действительности, включает в свой репертуар рассмотренные выше лексемы, ср.: *мне грустно* (т.е. «плохо»), *мне весело* (т.е. «хорошо»)

¹ Паралингвистические средства выражения семантики безразличия требуют специального освещения.

и мне все равно, т.е. ‘для меня это не представляет интереса’.

Существуют и синтаксические средства – специальные формулы (фразеосхемы) для выражения оценки ‘безразлично’, которые функционируют как *ценностно-оценочные комплексы*²: *Воля или неволя – все равно / Что воля, что неволя – все равно / Пусть воля, пусть неволя – все равно*. Подобные сложившиеся структуры раскрывают мысль о безразличии в предложенном выборе, потому что предпочитается нечто совсем другое: *Цыбукин слушал и не шевелился. – Собственный дом или чужой, все равно, лишь бы тепло было да бабы не ругались...* (А.П. Чехов. В овраге (1900); – *Что принести, резерпин или раунатин? // – Все равно. Только обязательно* (Ю. Трифонов. Предварительные итоги (1970).

Синтаксическая форма (фразеосхема) предназначена для выражения ценностного суждения, смысл которого состоит в ценности самой оценки «безразлично»: *Люди считают наготу соблазнительно. Правы они или нет, – все равно* (Ф.К. Сологуб. Королева Ортруда (1909); [69, ученый-лингвист, Петр Саввич Кузнецов, 1899, муж] *М... вы должны кхм... овладеть методами структу... м... изучения структуры языка как в данном состоянии / современном или древнем – все равно / так и в преобразовании его во времени* (П.С. Кузнецов. Лекция по сравнительной грамматике индоевропейских языков (1968). Противопоставление с выделением второго компонента актуализирует мысль о безразличии. Вместе с тем даже при изменении следования компонентов в случае, когда противопоставление между ними снимается, мысль о безразличии остается ведущей: *Все им до лампы – прощай или здравствуй, / Розы в снегу или розы в горшке* (А. Середин. Из сб. «Середина» (2020).

Тонкие наблюдения, посвященные дополнительным, сопутствующим субъективным смыслам, осложняющим или даже вытесняющим на второй план семантику безразличия, принадлежат С.Г. Воркачеву: «В семантическом составе единиц, его передающих, безразличие может занимать также и периферийное место, включаясь в число имплицитных смыслов: оно входит в семантический состав уступки, компенсации, смирения и пр.» [5: 116]. Например: – *Дед всегда ищет, за что меня бить... / – Что ты говоришь, отсохни твой язык! – сердилась бабушка. – Да как услышит дед твои слова! – Пускай!* (М. Горький. Детство). Действительно, это сложное соединение смыслов, которые

«читаются» только в контексте ситуации – состояние мальчика, пытающегося за маской безразличия скрыть обиду и негодование. В данном случае слово *пускай*, демонстрирующее *внешнее безразличие*³, скрывает истинное положение вещей и имплицитную мысль – мысль о несогласии и протесте: ‘я против, но приходится смириться и изобразить безразличие, чтобы сохранить лицо’.

3. Сема ‘покой’ на оценочной шкале хорошо – плохо

В первом словаре синонимов – словаре Н. Абрамова (1890) представлен ряд актуальных и сегодня слов, которые можно было бы объединить семей ‘покой’: *бесстрастие, хладнокровие, равнодушие, сдержанность, нечувствительность, спокойствие, холодность, апатичность, апатия* [1]. Каждое из слов дает производное прилагательное, встраивающееся в синонимический ряд, несколько расширенный на фоне существительных за счет слов *уравновешенный, ровный, сухой, нейтральный*.

Сема ‘покой’, ‘спокойствие’ входит в семантическую структуру любого слова из этого синонимического ряда. *Покой* как ‘отсутствие движения и шума, неподвижная тишина’ и ‘спокойствие физическое и душевное, неподвижность, бездействие, отсутствие тревог, забот’ [19]. Первую часть толкования значения можно охарактеризовать как *объективное* представление понятия *покой*, вторую, связанную исключительно с внутренним состоянием человека, как *субъективное* по сути, т.е. предполагающее оценку. В значениях единиц синонимического ряда общим мотивирующим компонентом становится сема ‘покой’, нейтрализующая оценку *хорошо* или *плохо*. Именно по такому принципу отсутствия дифференцирующей оценки объединены слова в словаре Н. Абрамова.

По-видимому, оценочный диапазон в конце XIX в. был еще не столь широк и члены ряда группировались вокруг оценки ‘нейтрально’, о чем свидетельствует иллюстративный материал: *Человек уравновешенный, ровный, владеющий собою. Быть (оставаться) равнодушным, не обращать внимания*. О таком подходе говорит и единый для всей группы антоним – *горячий*, раскрывающий противопоставительные отношения только по одному признаку *действие – отсутствие действия* (= *активность – пассивность*). Вместе с тем эта сема станет определяющей в развитии оценочных характеристик в группе синонимов и сопровождающих их коннотаций.

² Терминологическое сочетание, введенное К.Я. Сигалом [15].

³ О специфике демонстративного безразличия см. статью А.В. Рябовой [14].

Рассмотрим отдельные этапы преобразований объективно-нейтрального значения *покой* в оценочно-коннотативное, результатом которых стало формирование многокомпонентного синонимического гнезда, возглавляемого словом *равнодушие*, и образование важного смысла – семантики безразличия, имеющего в структуре языка множественные средства выражения.

Обновление значений слов *безразличие* и *равнодушие/безразличный* и *равнодушный* происходило под влиянием французского *indifférent* ‘лишенный внутреннего интереса к чему-то, равнодушно-апатический’. Слово *безразличие* (калька) полностью впитало значение французского слова, прежнее значение, определявшееся антонимическими связями с прилагательным *различный* – ‘ничем не выделяющийся из ряда других, непримечательный, не имеющий резких различий’, – оказалось вытесненным. Аналогичные семантические преобразования происходили со словом *равнодушный*: значение ‘спокойным духом на все вззирающий’ было вытеснено новым ‘холодность, невнимательность к чему-либо, безразличие’. В это же время, в начале XIX в., прилагательное *индифферентный*, появившееся в русском языке в эпоху Петра, входит в активный оборот [3: 55–57; 587].

Об отсутствии негативной коннотации в семантике слова *равнодушие* конца XVIII в. свидетельствуют синонимические замены в пределах аналитического сочетания *приводить/привести в равнодушие в покой в спокойство*: *Привести себя в равнодушие* (Г.Р. Державин – П.А. Зубову. 17 мая 1794); *Должен был привести в спокойство / Свою разгневанную мать* (И.Ф. Богданович. Душенька. 1783) (примеры из: [20: 91]).

Отрицательно-оценочная сема формируется в семантике слова *равнодушный* в начале XIX в. Например, в языке Пушкина, в отличие от предшественников, слово *равнодушие* выступает уже в двух вариантах – нейтральном (‘спокойствие, хладнокровие, невозмутимость’) и производном оценочном: ‘отсутствие интереса, безучастное отношение, невнимание, холодность, безразличие к кому-, чему-н.’ [18]. Производное прилагательное наследует это значение: **РАВНОДУШНЫЙ** (38). || *Выражающий безразличие, отсутствие интереса к кому-, чему-н.* И наконец на свой позор / Вперил он **равнодушный** взор. С₃ 4.103. Но дева скрылась от меня, / Примолвля с видом **равнодушным**: «Герой, я не люблю тебя!» РЛ I 397. *Проникнутый безразличием, отсутствием интереса к кому-, чему-н.* [18].

Переходное значение ‘спокойствие, доходящее до невнимания, отсутствия жалости, сострадания к судьбам’: *Спокойно зрит на правых и виновных, / Добру и злу внимая **равнодушно**, / Не ведая ни жалости, ни гнева...* (А.С. Пушкин.

Борис Годунов (1825). Комментарий-дополнение *не ведая ни жалости, ни гнева* дает более точное представление об отношении Григория – это не ярко выраженный, но упрек, само же сближение определяющих слов *спокойно* и *равнодушно* еще не прогнозирует негативного оценочного отношения. Субъективное оценочное значение оформилось под влиянием общей тенденции – внимание к «метафизической» стороне жизни человека, причем этой индивидуализации мысли сопутствовала индивидуализация жизни, сосредоточенность на себе как объекте внимания – явление, которое вошло в русскую жизнь в начале XIX в. и было понятийно закреплено за словом *эгоизм*.

Словарь К. Горбачевича фиксирует ряд синонимов, возглавляемых прилагательным *равнодушный*, объединяющим группу синонимов (*безразличный – безучастный – глухой – холодный – бесстрастный – индифферентный*), и группу производных и словообразовательно родственных слов: *равнодушно, безразлично, безучастно, холодно, бесстрастно, индифферентно; равнодушие, безразличие, безучастность, холодность, бесстрастность, индифферентность*. Все члены синонимического ряда объединены по принципу негативной оценки, заключенной в толковании объединяющего их значения ‘не испытывающий или не выражающий интереса к окружающему, происходящему’. Этот ряд, возглавляемый словом *равнодушный*, имеет отсылку к семантически близким рядам синонимов – *пассивный* и *бездушный* [8: 330]. *Пассивный* – ‘бездеятельный, вялый, апатичный, безынициативный, инертный’ [8: 275].

Таким образом, в пушкинский период формируется и приобретает основные черты синонимический ряд, члены которого актуальны и в современном русском языке, однако с большей определенностью оценки *хорошо/плохо*, маркирующей каждый член этого синонимического ряда: например, *равнодушный, холодный, индифферентный* – всегда со знаком минус. Оценочная трансформация структурообразующей семы ‘покой’, объединяющей лексические единицы синонимического ряда, связана с отрицательной коннотацией не-действия, бездействия. Состояние бездействия на шкале *активность/пассивность* противопоставляется семантике активного и целенаправленного действия.

4. Семантика безразличия в ситуациях: оценочные мотивы в художественном тексте

В данном параграфе предлагаем переключиться с отношения субъекта и его оценки на оценку общества такой позиции, как *безразличие/равнодушие*: ситуация противопоставления

действия – *бездействию* как пассивному состоянию субъекта. В данном случае субъектом оценки выступает социум.

Одним из направлений исследования оценочных ориентиров общества становятся произведения устного народного творчества как некий конденсат мудрости и опыта народа. Например, этносемантический сопоставительный анализ паремий свидетельствует, с одной стороны, о широких репрезентативных возможностях семантики безразличия в русском и испанском языках, с другой – о том факте, что эталоном оценки моральных качеств личности является равнодушное, безразличное отношение: «Равнодушие как жизненная позиция стороннего наблюдателя расходится с «нормой эмпатии» – сочувственного отношения человека к человеку» [5: 120].

Думается, что «аксиогенные ориентиры бытия» (В.И. Карасик, [9]) сосредоточены в художественных текстах⁴. Художественная литература, особенно русская литература в силу ее особого статуса в общественной жизни, являлась источником мыслей о ценностях, в первую очередь связанных с общественным благом и всегда противопоставленных эгоистическим интересам: позиция безразличия, неучастия в момент, когда требуется активное действие, рассматривалась как недопустимая.

Проиллюстрируем этот тезис материалом «Маленьких трагедий» – Пушкина и «Игрока в крокет» Уэллса, чьи позиции в выражении несогласия с равнодушием и невмешательством оказались близкими, что выражается и в избранной форме неоткрытого, непропагандистского выражения точки зрения.

В первых трех произведениях «Маленьких трагедий» сквозной мотив угадывается достаточно легко: они о человеческих чувствах – скупости, зависти и любви, – но чувства изображены в той силе, что обычно называют *страстью*. И если «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» о разрушительности человеческих страстей, то о чем «Пир во время чумы», как связано произведение с предыдущими и о какой страсти идет речь?

В известном романе Ю. Тынянова «Пушкин» есть интереснейший фрагмент – «Часть третья, Тетрадь Александра Васильевича Куницына»: «Все просили меня говорить с ними о страстях. Я вспомнил свою прогулку с Иконниковым – и сказал, что буду говорить о гордости.

Тут некоторые стали просить – Кюхельбекер, чтобы я прочел о справедливости, Горчаков – о малодушии, а Пушкин попросил прочесть о скупости. Кто-то засмеялся, но я нашел из всего названного скупость единственно страстью, потому что справедливость и малодушие не суть страсти в подлинном смысле, и обещал в следующий же раз говорить о скупости. Кюхельбекер с горячностью возразил, что справедливость есть страсть. Его поддержал и Вальховский, заявивший, что добро – страсть. Дельвиг пустился в софизмы и стал доказывать, что *самая сильная страсть – бесстрастие*, чем вызвал смех» (Ю. Тынянов. Пушкин). Думается, что эти строки дают возможность понять смысл последнего произведения из цикла: речь идет о бесстрастии.

Пусть это бесстрастие от страха и отчаяния, возможно, это даже своеобразная попытка противиться Чуме и смерти, но все же это бесстрастие и бездействие вместо действия. Это равнодушие, точнее – равнодушное спокойствие, с которым пирующие воспринимают окружающие страдания. Именно в этом Священник упрекает Вальсингама, забывшего в своем буйном веселье о недавно умершей матери:

Иль думаешь, она теперь не плачет,
Не плачет горько в самых небесах,
Взирая на пирующего сына,
В пиру разврата слыша голос твой,
Поющий бешеные песни, между
Мольбы святой и тяжких вздыханий?

Авторская позиция выражена в финале пьесы – в ремарке: «Пир продолжается. Председатель остается погружен в глубокую задумчивость».

Так же не декларативно и не утомляя читателя собственными рассуждениями о нравственности, выражает свою позицию Г. Уэллс: его герой не просто равнодушен, но он открыто в этом признается – именно таким человеком «крюкетист представляется читателю». Слова, завершающие повествование, принадлежат «крюкетисту», и, по задумке автора, они должны вызвать у читателя неприязнь: «Я посмотрел ему в глаза твердым, спокойным взглядом и сказал:

– А мне *наплевать!* Пусть мир провалится ко всем чертям. Пусть возвращается каменный век. Пусть это будет, как вы говорите, закатом цивилизации. Очень жаль, но сегодня утром я ничем не могу помочь. У меня другие дела. Что бы там ни было, но в половине первого я, хоть тресни, должен играть с тетушкой в крокет!» (Г. Уэллс. Игрок в крокет. Пер. С. Займовского.) (I looked him in the face, firmly but politely. I said, «I don't care. The world MAY be going to pieces. The Stone Age may be returning. This may, as you say, be the sunset of civilization. I'm sorry, but I can't help it this morning.

⁴ Интересно замечание Б.И. Фоминых о финале романа в стихах «Евгений Онегин»: герои пережили «крушение надежд, но не идеалов» [21: 249]. Идеалы – это, по сути, и есть ценностные ориентиры героев и автора романа.

I have other engagements. All the same – laws of the Medes and Persians – I am going to play croquet with my aunt at half-past twelve today» (gutenberg.net.au/ebooks05/0500411h.html).

Устойчивый оборот *I don't care* (*Мне все равно*) способен передать разные эмоциональные оттенки и разную степень экспрессии говорящего, поэтому его эквивалентом при переводе на русский язык может стать любой член развернутого синонимического ряда, включающего слова и фразеологизмы, – выбор также зависит от конкретной ситуации. Семантическая тонкость значения безразличия слова *наплевать* связана с позицией субъекта, которую А.Д. Шмелев характеризует как *презрительное отрицание*: «Филологическое» отношение к жизни в русском языке концептуализируется как ‘плевание’ и могло бы быть выражено максимой: *Не стоит тратить усилия: все равно от тебя ничего не зависит* [22: 368]. Именно такой специфически русский аналог, отличающийся особой экспрессией, связанной с внутренней формой слов *плевать/наплевать*, выбирает переводчик: для выражения авторской идеи, равнодушной позиции автора – Г. Уэллса это адекватный вариант.

Вот это бездействие в момент, когда требуется действие, активное вмешательство в ситуацию, называется равнодушием/безразличием и является поступком со знаком минус. Общественный аксиогенный ориентир – равнодушие.

5. Семантика безразличия в современном дискурсе

Равнодушие считается социальной проблемой, о существовании которой свидетельствуют ключевые слова текстов социальной рекламы и мини-текстов заголовков: акция «АНТИбезразличие», социальный проект «Победи в себе равнодушие», названия конкурсов социальной рекламы «Нам не все равно», «Мне не все равно»; социальный проект «Все равно?!»; *Безразличие крадет будущее. Граждане! При нашем равнодушии эта сторона жизни наиболее ОПАСНА. Дети беззащитны перед равнодушием взрослых. Выбирай, куда посадить ребенка. Все равно?!* [12].

Креолизованные тексты социальной рекламы, транслирующей, пропагандирующей и защищающей общественные ценности, декларируют душевное участие, теплоту, заинтересованное внимание как способ защиты от равнодушия.

Об актуальности проблемы свидетельствуют такие факты языка, как отфразеологические дериваты – номинации лица, обозначающие отрицательные свойства характера, среди которых равнодушие: *дофенист, толстокожий, хата-скрайник* [2: 11, 14]. Эти производные лексемы дополнили список существовавших, таких как

пофигист и его производные *пофигистический, пофигистский*. Ср. также *подсебятник* → *подсебятничество*: *Если мы убеждены, что наш коллега подсебятник, мы будем знать, что все его поведение, это подсебятничество, и, соответственно, видеть это в каждом его действии* (nlpr.ru).

Слова *пофигизм, дофенизм, подсебятничество*, обозначающие понятия отвлеченные (ср. эгоизм), в разговорной речи выступают в качестве экспрессивных синонимических замен слов-понятий *безразличие/равнодушие*. В этот ряд может быть включено слово *индифферентизм* со значением ‘безучастное, безразличное отношение к чему-л.; равнодушие’ [13], понятийно также близкое, однако ограниченное книжным употреблением.

Интересна судьба слова *толерантность*, в середине 1990-х гг. вышедшего за пределы книжной научной речи. Его понятийное содержание в специализированном контексте (область философии, социологии, политологии, медицины и т.д.), где слово реализует свое терминологическое значение, строго очерчено. За пределами узкоспециального употребления значение размывается. В обыденном понимании «толерантность – это спокойное отношение к окружающим» (Толерантность: плюсы и минусы. 9.02.2020 // dnevnik-znaniy.ru). Вот в этой зоне «спокойное отношение» пересекаются значения слов *толерантность* и *безразличие*. О таком смешении понятий в сознании носителей языка свидетельствуют, например, названия статей и тематических рубрик в Интернете: *Как отличить безразличие от толерантности?* (bolshoyvopros.ru); *Толерантность – форма равнодушия* (pravmir.ru); *Толерантность: терпимость или безразличие?* (yandex.ru); *Толерантность безразличия против толерантности сопереживания: проблема содержания опыта модернизации России* (cyberleninka.ru).

В условиях обыденного общения, в текстах СМИ, в целом – в новых дискурсивных условиях и в новом окружении слова *толерантность* и *толерантный* приобретают негативно-оценочное значение: *Татьяна Доронина, знающая толк в закулисных интригах, сказала: чем больше ее успокаивает толерантный Михаил Швыдкой, тем страшнее ей становится* [Лебедина Любовь. НЕМАЯ СЦЕНА // Труд-7, 2004.11.25]; *Думаю, они будут стоять с высоко поднятой головой, и я горд, что это произошло», – разглагольствует толерантный лидер консерваторов* [Елена ЧИНКОВА. Гей-браки в Британии почти узаконили // Комсомольская правда, 2013.05.22]; – *Всем гостям безумно рад толерантный Москвабад! – Москвабад – для русских ад, – подхватили национал-демократы*

из НДП с красно-белыми стягами [Владимир Дергачев. «Русский марш» стал фестивалем национализма // Известия, 2012.11.04].

Таким образом, заимствованное слово с размытым понятийным содержанием сближается со словами – носителями семантики безразличия: объединяющее начало – сема ‘покой со знаком минус’.

Парадоксы безразличия: семантика безразличия как ценность

Мысль о безразличии является важной при характеристике объекта оценки, в определении ценностных ориентиров субъекта в первоначальной системе координат: *важно – не важно, заслуживает внимания – не заслуживает*.

Сопоставительные исследования на материале испанского и английского языков свидетельствуют о том, что безразличие как идея не является национально-специфичной (ср.

также польские аналоги русскому *все равно* – *Wszystko jedno! Wsio ryba!*⁵). Парадокс, но можно говорить о важности для носителей языка семантики, продолжающей развиваться. В русском языке об этом свидетельствует не только лексический состав, постоянно обновляющийся, но и новые (пусть и окказиональные) грамматические позиции слов – носителей семантики состояния, например: *Тер ребра, ползал бессмысленно взглядом по разлинованной на квадраты стене. Стало равнодушно* (Дм. Глуховский. Текст (2017)).

Общественная оценка состояния безразличия определяется характером объекта. Если нет «противопоказаний», то сама семантика рассматривается как ценность, позволяющая выработать философское отношение к жизни, в которой не все зависит от воли и желания человека и не все входит в сферу его интересов. ■

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00609 «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. ivanov-portal.ru/abramov1.html.
2. Ван Цзинхуэй. Отфразеологические дериваты в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.
3. Виноградов В.В. История слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 1999.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд. М., 2002.
5. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. 1997. № 4.
6. Высоцкая И.В. Морфологический статус и синтаксические функции слова «ничего»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
7. Голубцов С.А. Семантика и прагматика показателей безразличия: сопоставительный аспект (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1999.
8. Горбачевич К. Русский Синонимический словарь. СПб., 1996.
9. Карасик В.И. Языковые мосты понимания. М., 2019.
10. Милованова М.С. *Безразличие* как семантика и как реальность // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. № 2. Ч. 2. Нижний Новгород, 2015.
11. Милованова М.С. Инвариантная семантика субъективного отрицания в современном русском языке // Актуальные проблемы обучения русскому языку XII. Брно, 2016.
12. Милованова М.С., Рябова А.В. Вербализация мысли о равнодушии/безразличии в социальной рекламе // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2020. № 2.
13. Онлайн-словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений синонимов. synonymonline.ru/B.
14. Рябова А.В. Семантика безразличия в современном дискурсе: безразличие как действительное и как игра // XXI Кирилло-Мефодиевские чтения в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, 26–28 мая 2020 г., Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. М., 2020.

⁵ ...że mi nie oddają, to oberwałam, ale mnie już było **wsio ryba**, zawzięłam się i liczyłam tylko dni do końca sezonu... – ...за то, что я ему не отдаю, мне досталось, но мне уже было **все равно**, я упрябилась и считала только дни до конца сезона [23].

15. Сигал К.Я. Аксиология и синтаксис // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 4.
16. Синонимический словарь // Словари и энциклопедии на Академике. dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/146161/равнодушно.
17. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. gufo.me/dict/mas.
18. Словарь языка Пушкина. В 4 т. Отв. ред. академ. АН СССР В.В. Виноградов. slovari.ru.
19. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. М., 1935–1940. Т. 3.
20. Филиппова В.М. Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке XVIII в. (устойчивые глагольно-именные сочетания) // Русская литературная речь в XVIII веке. М., 1968.
21. Фоминых Б.И. Диалогичность романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Но мы сохраним тебя, русский язык! Коллективная монография, посвященная 90-летию академика В.Г. Костомарова.: М., 2020.
22. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
23. Korpus języka polskiego. sjp.pwn.pl/korpus/.

References

1. Abramov N. Slovar' russkih sinonimov i skhodnyh po smyslu vyrazhenij ivanov-portal.ru/abramov1.html.
2. Van Czinhuej. Otfrazeologicheskie derivaty v sovremennom russkom yazyke: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2019.
3. Vinogradov V.V. Istoriya slov / Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. M., 1999.
4. Vol'f E.M. Funkcional'naya semantika ocenki. Izd. 2-e. M., 2002.
5. Vorkachev S.G. *Bezrazlichie* kak etnosemanticheskaya harakteristika lichnosti: opyt sopostavitel'noj paremiologii // Voprosy yazykoznanija. 1997. № 4.
6. Vysockaya I.V. Morfologicheskij status i sintaksicheskie funkicii slova «nichego»: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1993.
7. Golubcov S.A. Semantika i pragmatika pokazatelej bezrazlichiya: sopostavitel'nyj aspekt (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 1999.
8. Gorbachevich K. Russkij Sinonimicheskij slovar'. SPb., 1996.
9. Karasik V.I. Yazykovye mosty ponimaniya. M., 2019.
10. Milovanova M.S. *Bezrazlichie* kak semantika i kak real'nost' // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. № 2. Ch. 2. Nizhnij Novgorod, 2015.
11. Milovanova M.S. Invariantnaya semantika sub"ektivnogo otricanija v sovremennom russkom yazyke // Aktual'nye problemy obucheniya russkomu yazyku XII. Brno, 2016.
12. Milovanova M.S., Ryabova A.V. Verbalizaciya mysli o neravnodushii / nebezrazlichii v social'noj reklame // Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika. 2020. № 2.
13. Onlain-slovar' russkih sinonimov i skhodnyh po smyslu vyrazhenij sinonimov. synonymonline.ru/B.
14. Ryabova A.V. Semantika bezrazlichiya v sovremennom diskurse: bezrazlichie kak dejstvitel'noe i kak igra // XXI Kirillo-Mefodievskie chteniya v ramkah Mezhdunarodnogo Kirillo-Mefodievskogo festivalya slavyanskih yazykov i kul'tur, 26–28 maya 2020 g., Gos. IRYA im. A.S. Pushkina. M., 2020.
15. Sigal K.Ya. Aksiologiya i sintaksis // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2019. №4.
16. Sinonimicheskij slovar' // Slovari i enciklopedii na Akademike. dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/146161/ravnodushno.
17. Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / AN SSSR, In-t rus. yaz. / Pod red. A.P. Evgen'evoj. gufo.me/dict/mas.
18. Slovar' yazyka Pushkina: V 4 t. Otв. red. akad. AN SSSR V.V. Vinogradov. slovari.ru.
19. Tolkovij slovar' russkogo yazyka / Pod red. D.N. Ushakova. V 4 t. M., 1935–1940. T. 3.
20. Filippova V.M. Razvitie glagol'noj frazeologii v russkom literaturnom yazyke XVIII v. (ustojchivye glagol'no-imennye sochetaniya) // Russkaya literaturnaya rech' v XVIII veke. M., 1968.
21. Fominyh B.I. Dialogichnost' romana v stihah A.S. Pushkina «Evgenij Onegin» // No my sohranim tebya, russkij yazyk! Kollektivnaya monografiya, posvyashchennaya 90-letiyu akademika V.G. Kostomarov.: M., 2020.
22. Shmelev A.D. Russkij yazyk i vneyazykovaya dejstvitel'nost'. M., 2002.
23. Korpus języka polskiego. sjp.pwn.pl/korpus/.

M.S. Milovanova

Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia

CALMNESS/INDIFFERENCE, OR NUANCES OF EVALUATIVE INTERPRETATIONS

Assessment, values, semantics of indifference, texts of fiction, value of semantics.

The article presents the semantics of indifference in direct connection with the concepts of assessment and values. The focus is, firstly, on the subject of assessment – a person who considers it necessary to attest to his indifference to the object: indifference is presented as a state of the subject (semantics of the state). Secondly, the subject as the bearer of such a state is presented as an object of assessment by society. The semantic development of the word «indifference» is shown, the meaning of which has been transformed from the point of view of evaluative-connotative properties: from a neutral assessment to a negative one. The texts of fiction indicate that inaction at the moment when action is needed is an act with a minus sign. An axiogenic social reference is indifference.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

28 августа в Министерстве науки и высшего образования состоялось вручение государственных наград Российской Федерации и ведомственных наград Министерства науки и высшего образования.

Награды вручил министр науки и высшего образования Валерий Фальков. Он обратился к присутствующим со словами благодарности за командную работу и конструктивный диалог, который, по его мнению, является основой для развития Министерства науки и высшего образования и отрасли в целом.

В этот день 46 работников сферы образования и науки были удостоены правительственных и ведомственных наград, почетных званий и благодарностей.

«Очень приятно, что среди награжденных оказались не только мои коллеги по многолетнему педагогическому труду, но еще и мои коллеги по депутатской деятельности: это Лидия Николаевна Антонова, она работает в областной думе Московской области, и Любовь Николаевна Духанина, депутат Государственной думы», – поделилась Маргарита Русецкая.

Ректор Института Пушкина призналась, что накануне нового учебного года получить из рук министра такую важную награду – медаль Ушинского – было очень приятно. «Для нашей страны всегда было доброй традицией благодарить такими наградами за профессиональную деятельность, за достижения коллективов, которые работают на общие цели, общие задачи, разделяют миссию развития организации, – подчеркнула Маргарита Николаевна. – Поэтому, конечно, надо отметить, что медаль Ушинского вручена не только за мой личный вклад, но и за результаты, достигнутые институтом, за общий коллективный труд всех наших замечательных преподавателей, сотрудников и студентов Института Пушкина!»

Медаль Ушинского получила свое название в честь выдающегося русского педагога, писателя и основоположника научной педагогики в России Константина Дмитриевича Ушинского. Этой медалью награждаются высокопрофессиональные специалисты за личные заслуги в совершенствовании и формировании знаний в области педагогических наук, разработку новых научных направлений, подготовку квалифицированных кадров в области педагогических наук.

По материалам сайта pushkin.institute